

О ПОТРЕБЛЕНИИ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ В ДАГЕСТАНЕ В НАЧАЛЕ XIX в.

Появление винокурения и развитие в дагестанском обществе традиций чрезмерного потребления крепких спиртных напитков относится к началу XIX в. Относительно данного вопроса ранее этого времени можно лишь строить версии ввиду отсутствия документальных материалов, хотя известно, что в дагестанских селах потребляли слабые хмельные напитки типа бузы. Опять же надо иметь в виду, что в народной культуре Дагестана были и свои приемы усиления пьянящих свойств бузы. Так, чтобы повысить ее пьянящие качества, в нее добавляли цветы кустарника рододендрона [Юсупов, Какагасанов 2014], растения, известного своими дурманящими свойствами. По словам информантов, в отдельных семьях на запас даже сушили их, хотя общество осуждало практику их использования. Возможно, о такой бузе идет речь в тексте исследователя В.О. Бобровникова, когда он пишет, что дагестанская буза достигала крепости 20 градусов [Бобровников 2002: 69].

Часто хмельные напитки провоцировали «порчу нравов» в обществе, под порчей подразумевали злоупотребление спиртными напитками, пьянство, алкоголизм, что нередко сопровождалось ростом конфликтов, уголовных преступлений. Борьба ислама против распития спиртного, как и борьба властей (введение «сухих законов») шла с попеременным успехом. Замечательный швейцарский востоковед Адам Мец, описывая ислам первых веков, привел достаточно много примеров этому. Характеризуя уклад жизни арабского халифата IX–X веков, он писал: «Несмотря на запрет Корана, питье вина было в то время широко распространено. <...> Не помогали все полицейские запреты, которые при Фатимидах ограничивались лишь закрытием трактиров в канун священного месяца раджаб» [Мец 1966: 312, 313].

Что касается Дагестана, то «синкретически сложившийся ислам с этнографическими родовыми особенностями местных сообществ» претерпел «сильнейшее воздействие со стороны доисламских верований, обычаев, традиций» [Яхъяев 2014: 87]. Возможно, поэтому здесь в средневековую эпоху сложилась практика спокойного восприятия служителями культа традиций выпивки вина и других содержащих алкоголь напитков. Обострение же борьбы духовенства против потребления спиртного относится к событиям, связанным с движением Шамиля, и в большей степени связано с волной реисламизации, накатившейся извне.

Злоупотребление спиртными напитками в дагестанском горском обществе началось в начале XIX в. [Гимринский 2004: 84–187]. Сильно пил отец первого имама Газимухаммада. Много пил отец Шамиля (молодому Шамилю вдвойне было обидно из-за того, что над пьяным отцом смеялись соседи). Семь раз отец клялся перед сыном, что не будет пить, и каждый раз все начиналось снова [Шамиль 1889: 15]. «Не отличался трезвою жизнью» даже после женитьбы будущий второй имам Гамзатбек [Чичагова 1889: 31], бросивший позже эту привычку.

Местом досуга с обязательным спиртным, нередко пьянством, в начале XIX в. становились и дома местной знати, о чем свидетельствуют материалы. Один из алимов-просветителей этого времени Абдурахман из Какашуры (ум. 1841 г.) клеймил общество, где пьют бузу не только простые смертные, но и кадди, *гостящие в дворцах местной знати* (выделено нами. — А.М.) [Акамов 2003: 114].

Не было случайным, что в борьбе против местной знати духовенство активно использовало критику традиций светского досуга с выпивкой. Исследователь Ч.С. Юсупова, ссылаясь на Али Каяева, пишет, что «Саид (из Аракань. — А.М.) любил устраивать со своими учениками шумные, веселые компании с музыкой, песнями и танцами, принимал участие в попойках и развлечениях ханов и шамхалов. Более того, он вынес фетву (решение, выносимое мусульманским духовным лицом), позволяющую мусульманину пить вино и бузу» [Юсупова 1997: 41].

Существенной причиной порчи нравов стало развитие сложных технологий винокурения. Винокурение, распространившееся в начале XIX в. в Дагестане (в селах горно-долинного виноградарства, в частности), способствовало развитию промыслов производства крепкого вина и спирта и торговли ими. С развитием традиций винокурения население научилось усиливать крепость и традиционных напитков, добавляя в него спирт.

О том, что проблема потребления вина и других спиртных напитков в начале XIX в. стала превращаться в социальную проблему для многих сел Дагестана, свидетельствует и ряд правовых норм этого времени. Так, в 1813 г. Сурхай-хан II, кадий Сунгур Кумухский, и авторитетные среди сельчан кумухцы приняли ряд правовых норм, среди которых была и такая статья: «Если кто купит водку-арак или виноградное вино», то с такого человека возьмут в качестве штрафа «одного быка». В другом селе (с. Голотль) тогда же действовали ограничения: а) «На того, кто выпьет вино, наложить штраф стоимостью в одну корову; б) «На того, кто изготовит вино у себя дома, хотя бы в малом количестве», налагать такой же штраф; в) На того, кто соберет компанию из якобы «друзей» (*гьудулзаби*), а в «действительности, чтобы кушать и пить вино, причем безразлично: мужчины ли собрались тут или женщины», взимать такой же выкуп, т.е. одну корову; г) Брать такой же штраф, т.е. одну корову с того, кто начнет спорить и драться с «человеком, которому поручено выявлять пьяных и брать с них» штраф в одну корову, а если такой человек поранит противодействующего ему, то штрафовать его не будут [Хрестоматия 1999: 105–107].

Борьба с винными промыслами и потреблением вина и водки стала одним из направлений политики Шамиля и его сподвижников. Поэтому не случайно, что в низамах Шамиля «за пьянство, распространившееся среди горцев под влиянием контактов с русскими переселенцами, число палочных ударов увеличилось свыше 40» [Бобровников 2002: 138].

Безусловно, включение региона в сферу всероссийского рынка в начале XIX в. активизировало промысловую деятельность

дагестанского населения в разных отраслях экономики, в том числе в винокурении. В этой связи интересен и факт, что кизлярские садоводы активно сажали у себя гимринский сорт винограда. Это был сорт, называемый здесь «черный тавлинский» виноград — винный сорт, и его популярность, видимо, была связана с хорошими качествами для винокурения.

Библиография

Акамов А. Суфийские художественные традиции в кумыкской литературе и творчество Абдурахмана из Какашуры. Махачкала, 2003.

Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычаи, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана / Отв. ред. А.Р. Шихсаидов. М., 2002.

Гимринский Г. Газимухаммад: хроникальная (историческая) повесть // Багадур Малачиханов: гражданин, интеллигент, ученый / Автор-сост. А.М. Муртазалиев. Махачкала, 2004.

Мец Адам. Мусульманский ренессанс / Пер. с немецкого, предисловие, библиография и указатель Д.Е. Бертельса, отв. ред. В.И. Беляев. М., 1966.

Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII–XIX вв. Т. 2. / Сост. Т.М. Айтберов. Махачкала, 1999.

Шамиль на Кавказе и в России: биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. СПб., 1889.

Юсупова Ч.С. Али-Гаджи из Инхо: Жизнь и творчество. Махачкала, 1997.

Яхьяев М.Я. Ислам в политических и социокультурных процессах на Северном Кавказе // Исламоведение. 2014. № 1.